

ГЛАВА 1

ЛЮДИ ВЫЖИВАЛИ, ПОТОМУ ЧТО ОНА УБИВАЛА. И если для блага народа нужно бросать вызов самому Арзу, куда даже солнце боится заглядывать, значит, так тому и быть.

Иной раз, когда день стоял ясный, Зафира бинт Искандар невольно задумывалась о том, что она, верно, храбрее самого солнца. В другие дни она не могла дождаться, когда проклятие Арза наконец останется в прошлом, укоренив её на равнинах халифата, даамовом¹ снегу и всём, что там было.

День нынешний мало чем отличался, разве что оленьими рогами, беспрестанно царапающими ладони. Зафира, выбравшись из треклятой лесной глуши, притворилась, что вздохнула не по вине глубоко засевшего страха, а от удовлетворения выполненной задачей. Утреннее солнце приветливо расцеловало её щёки.

«И тебе tarhaba², трусливое светило».

¹ Проклятом (*с арабского*).

² Здравствуй (*с арабского*).

Халифат Деменхур славился чахлым солнечным светом, ибо небесная звезда не ведала, что делать со снегом, который должен быть песком.

Впереди раскинулось белоснежное море, гладкое и чистое, но, вопреки онемевшим от холода пальцам и носу, одинокое сердце Зафиры ненадолго преисполнилось радостью. В халифате, где подвиги женщин грозили обратиться против них же, притворяться мужчиной было непросто — тем более обладательнице женской фигуры, женского голоса и женской походки.

Выпуская в морозный воздух горячий пар дыхания, Зафира тащила тушу оленя, оставляя за собой жуткий багровый след. В воздухе витали надежды; в лесном покрове и шёпоте листьев таилось спокойствие.

«*Не во мне тут и дело*», — утешила себя Зафира, когда без всякого предупреждения наведальась тревога. Грядущая свадьба вызывала в душе целый kaleidoscope эмоций.

От гниющего ствола, к которому Зафира привязала Сахара, донеслось приветливое ржание. Белоснежный жеребец практически сливался с такой же снежно-белой накидкой. Пока девушка привязывала добычу к седлу, Сахар оставался непоколебимым и таким же милым, как и дарованное ему имя.

— Удачно поохотились, — похвалила Зафира коня, который ничем не помогал, после чего вспрыгнула ему на спину.

Не реагируя, Сахар пристально глядел вдаль на просторы Арза, как будто из самых глубин вот-вот выскочит ифрит¹ и проглотит его целиком.

— Трус, — с улыбкой на немеющих губах обронила Зафира.

Так или иначе, когда дело касалось Арза, никто не славился храбростью. Каждый из пяти халифатов, образующих Аравию, страшился обступающего их леса. Все они одинаково

¹ И ф р и т — сверхъестественное существо в арабской и мусульманской культуре, разновидность джинна.

во трепетали перед проклятием, которое легло на их земли непомерным грузом и напрочь лишило волшебства. Баба¹ учил Зафиру не бояться Арза, убеждая, что во многих смыслах тот ничем не отличается от обычного леса. Баба наказывал дочери извлекать пользу из даров Арза, полагая, что Зафира сумеет его приручить. Увы, Арз не подчинялся Зафире. Никому не подчинялся.

Гибель отца — прямое тому доказательство.

Зафира, выведя коня из леса, направилась к поляне, в глубь Деменхура. Арз, однако, из раза в раз требовал последнего взгляда, поэтому Зафира остановилась и напоследок обернулась.

Проклятый лес глядел в ответ. Дышал. Тощие деревья, окутанные клубящейся тенью, тянулись к ней искривлёнными ветвями словно пальцами.

Ходила молва, что Арз поедает людей, как стервятники питаются падалью. И всё же, вопреки слухам, Зафира возвращалась туда день за днём, охота за охотой. Она прекрасно понимала, что каждая вылазка может стать последней, и, пусть клялась, что не трусит, всё-таки страх потеряться в лесу сделался для неё одним из самых глубоких.

В то же время глубоко в душе Зафира упивалась охотой в самом сердце тьмы. Она ненавидела Арз. Она *настолько* его ненавидела, что в его отсутствие начинала тосковать.

— А-х-х, даамов Арз, сколько же можно тобой любоваться? — дрожащим голосом спросила Зафира. — Пора возвращаться, Сахар. Опоздаем к свадьбе — Ясмин снимет нам головы.

Сахар, как видно, особо не тревожился. Зафира, цокнув языком, подтолкнула коня вперёд, и по мере отдаления от Арза напряжение в его теле начало иссякать.

Спокойствие, впрочем, длилось недолго. Совсем скоро в воздух закралось тяжёлое ощущение чужого присутствия.

¹ Отец (здесь и далее — перевод с арабского, если не указано иное).

Крошечные волоски на шее Зафиры приподнялись. Всадница обернулась, бросила через плечо настороженный взгляд. Арз глядел в ответ, как будто затаив дыхание. Нет, не лес стал причиной тревоги. Нет, кто бы ни находился поблизости в Деменхуре, он имитировал тишину почти так же умело, как сама Зафира.

Почти.

Единственное, чего Зафира страшилась больше, чем потерять на просторах Арза, — это попасться в руки человеку, который раскрыл бы её тайную личность. Доказал бы народу, что она не охотник, а семнадцатилетняя *охотница*, скрывающаяся под отцовским плащом с тяжёлым капюшоном. Случись подобное, её начнут сторониться, над её победами станут потешаться. Одна только мысль об этом заставила сердце Зафиры сжаться от ужаса и поневоле ускориться.

Вопреки настороженности Сахара, Зафира развернула его в сторону Арза и едва слышной на ветру командой отправила в галоп.

— *Yalla!*¹ — настойчиво поторопила всадница жеребца.

Сахар, встряхнув гривой, без возражений бросился вскачь.

На подъезде к лесу тьма постепенно сгущалась. Странно, но при первых признаках смертельной опасности Зафира неизменно держала путь в сторону неизвестности.

Мороз кусал щёки Зафиры. Внезапно справа мелькнуло чёрное пятно; второе пронеслось слева. *Лошади*. Прикусив губу, девушка направила коня между ними и тотчас пригнулась, чтобы не врезаться головой в преграду.

— *Qif!*² — раздался вопль.

Но какой дурак *стал бы* повиноваться?

Разве что Сахар. Он резко застыл на границе Арза, дёрнув Зафиру в седле. Вот она, пощёчина. Напоминание, что

¹ Давай!

² Стой!

он никогда не осмелится приблизиться. Запахи древесины и кислой гнили в одночасье обострили все притуплённые холодом чувства.

— Лаа¹. *Лаа. Давай же.* Только не сейчас, трус! — прошипела Зафира.

Сахар кивнул, вот только с места не сдвинулся. С замиранием сердца Зафира глядела в приглушённую мглу. Арз — не то место, к которому можно повернуться спиной; не то место, где позволительно попадать впросак и...

С руганью на устах Зафира развернула коня, не обращая внимания на его протесты.

Завывал ветер, промозглый и резкий. В страхе Зафире чудилось, будто Арз дышит ей в спину. Но секунду спустя она заметила в четырёх шагах двух фыркающих лошадей. Могучие тела скакунов покрывали кольчуги и накидки, чёрные, как ночное небо.

Боевые лошади.

Таких разводили в одном-единственном месте: соседнем халифате Сарасин.

Или, возможно, в Крепости Султана. Узнать наверняка, кому принадлежат лошади, было сложно, ибо в недалёком прошлом султан Аравии хладнокровно расправился с халифом Сарасина, незаконно присвоив власть над землёй и армиями, в которых сам не нуждался. Халифы существовали ради баланса, и султан не должен был их *убивать*.

Обнажённые руки всадников играли мускулами; лица не скрывали суровости. Кожа их знала солнце, приливы и отливы пустыни, которых так жаждала Зафира.

— Пойдём с нами, Охотник, — отчеканил крупный мужчина, будто обращаясь к скотине на пастбище.

Взгляд девушки упал на саблю в его руках.

Если Зафира и сомневалась, откуда нагрянули гости, тембр голоса всадника развеял все сомнения. Дыхание перехватило.

¹ Нет.

Одно дело — попасться в лапы деменхурцу, который распустит сплетни, и совсем другое — нападение сарасинцев.

В надежде скрыться под капюшоном Зафира опустила голову. Множество раз ей доводилось бросать вызов тьме или убивать кроликов и оленей, но никогда прежде она не стояла перед лезвием сабли.

Однако, несмотря на видимую мощь, люди Сарасина держались на расстоянии. Даже *они* остерегались Арза.

Зафира гордо подняла подбородок.

— С какой стати? — протянула она, перекрикивая внезапный свист ветра. Её возвращения ждали голодные люди и прекрасная как луна невеста, с которой предстояло попрощаться.

«*Зачем им я?*»

— Тебя ожидает султан, — гаркнул воин поменьше.

«*Султан? Святые небеса*». Этот злодей отрубал пальцы чаще, чем стриг собственные волосы. Поговаривали, что в былые времена он слыл хорошим человеком, вот только в сказки Зафире верилось с трудом. Султан являлся сарасинцем по рождению, а сарасинцы, как ей всю жизнь твердили, рождались без добра в сердцах.

Страх вспыхнул в груди ярким пламенем, однако Зафира понизила голос:

— Если бы султан желал меня видеть, почтил бы письмом, а не своими собаками. Я не какой-то преступник.

Низкорослый сарасинец открыл рот, чтобы возразить столь дерзкому сравнению, но спутник его в тот же миг вытащил саблю и шагнул ближе.

— Это не просьба. — Повисла пауза. Воин осознал, что страх перед Арзом не позволит ему двигаться дальше. — *Yalla*. Ступай сюда.

«*Нет. Нельзя вот так сдаваться*». — Зафира поджала губы.

Если и славились сарасинцы чем-то, кроме варварства, так это гордостью.

Зафира прошептала Сахару нежности. Наверное, дело было в воинах или, может, в боевых лошадях, могучих и устрашающих, но верный конь вдруг отступил на шаг. Это было самое близкое расстояние, на которое за всё время Сахар приблизился к Арзу. Вот только мучения его на том не закончились. На потрескавшихся и, вероятно, бесцветных от холода губах Зафиры появилась ухмылка.

— Тогда поймите меня.

— Тебе некуда деться.

— Ты забыл, сарасинец. Арз — мой второй дом.

Зафира, погладив гриву Сахара, взяла себя в руки и направила жеребца в лесную тьму.

И та поглотила её целиком.

Зафира пыталась, пыталась и пыталась не осознавать злое приветствие леса, не слышать ласкающий уши шёпот. Не обращать внимания на бурление крови. На голод в жилах.

Жуткие и тёмные деревья с острыми блестящими листьями стояли непоколебимо. Вдалеке слышался топот: сарасинцы кричали, шли по пятам. Пока под копытами Сахара хрустели лозы из хрупких ветвей, перед глазами всё сливалось в сплошное пятно.

Вопреки гнетущему страху, Сахар оставался милостиво тихим, позволяя всаднице слышать врага. Сердце в груди громко стучало. Хотя у сарасинцев и леденела кровь в жилах, они, движимые опасной гордостью, несмотря ни на что, *следовали* за Охотником.

Вскоре лес окутала тишина. Так случается, когда лезвие вырывается из ножен; когда после воя ветров наступает умиротворение.

Всадники исчезли.

Впервые Зафира оценила устрашающую и неизмеримую причудливость Арза, смывшую с пути сарасинцев. Теперь всадники могли находиться на расстоянии лиг, и ни она, ни они никогда о том не узнали бы. Таков был Арз. Вот почему многие люди, ступившие на здешние земли, никогда более

не возвращались. Они просто-напросто не могли *найти* дорогу домой.

С востока донеслось чуть слышное шипение, отчего Сахар замер на месте. Хотя в кромешной тьме Зафира едва различала белую накидку коня, годы опыта сделали слух острее любого клинка. На просторах Арза Зафира смотрела ушами.

В тиши раздался звук шагов; температура воздуха упала ещё ниже.

— Пора домой, — пробормотала Зафира.

Сахар, вздрогнув, устремился вперёд, ведомый рукой всадницы и торопливым шёпотом в её сердце. Он был рад выбраться из проклятого леса.

Тьма отступила, и на смену ей пришли нежно-голубое небо и далёкое солнце. Ноздри Зафиры ужалил мороз, сдобренный ароматом металла с ноткой янтаря. Сердце окутала зияющая пустота.

Похоже, сарасинцам не повезло. Как давно их троица переступила границы Арза? Казалось, прошло не больше двадцати минут, но положение солнца заверяло, что с тех пор миновало не менее часа.

Зафира не хотела знать, действительно ли султан послал за ней. А если это и так, то *какова причина*. Именно *причина* вызвала у Сахара внезапную тревогу. Он будто ответил ей: «*Всему своё время*».

Там, где ранее ждали боевые кони, снег стал ровным и...

Зафира дёрнула поводья.

На фоне белых равнин стояла женщина.

Худые плечи и длинный красный наряд скрывались под громоздким серым плащом — нет, то был не серый цвет, а цвет мерцающего *серебра*. Приподнятый капюшон едва покрывал жёсткие, белые как снег волосы. Багровые, почти кровавые губы искривились в улыбке.

Зафира могла поклясться, что секунду назад женщины на этом месте не было. Сердце в груди пустилось в галоп.

Арз развращает праздный ум.

— Кто бы знал, что ты так спешно убиваешь, — шёлковым голосом протянула незнакомка.

Неужели Арз даровал голоса своим иллюзиям?

— Я не убийца. Я бежала от них, — заверила Зафира, чуть позже сообразив, что не должна реагировать на мираж. Она ведь не убивала всадников? Или убивала?

— Умно. — После недолгой паузы женщина улыбнулась. — Значит, ты и правда выбираешься из леса в целости и сохранности.

Пока плащ женщины развевался на ветру, тёмные глаза поглядывали в сторону деревьев со странной смесью трепета и, *святые небеса*, обожания!

Женщина, то ли реальная, то ли нет, дрогнула, а затем снова застыла.

— Арз очень похож на Шарр, ведь правда? — Незнакомка покачала головой. Каждое её движение казалось продуманным.

При упоминании Шарра в жилах Зафиры закипел страх.

— О, что за дерзость с моей стороны, — продолжала женщина. — Тебе ведь не доводилось бывать на острове.

«Я, верно, грежу?» — хотела спросить Зафира, но вместо этого с губ слетел иной вопрос:

— Кто вы?

Сцепив голые пальцы, женщина одарила Зафиру сияющим взглядом. Разве жгучий холод не касается её рук?

Зафира крепче сжала поводья.

— Скажи мне, зачем ты охотишься?

— Чтобы прокормить народ, — выпалила Зафира. Спина уже болела, а от оленя начало смердеть.

Женщина, прищёлкнув языком, слегка нахмурилась, отчего Сахар задрожал.

— Брось лукавить. Разве не каждый из нас преследует собственные цели?